

Осознав, что его жизнь подходит к концу, Ван Яохуа приоткрыл рот и, выплеснув из себя кровавую пену, из последних сил проговорил прерывисто:

— Цинь, Цинь Фэн... Будь осторожен. В полиции, в управлении... есть крот.

Практически в ту же секунду, как он закончил говорить, сердце Ван Яохуа остановилось.

Дэн Цзэян замер, дыхание его прервалось, а глаза мгновенно наполнились слезами.

Человек в его объятиях был бледен, весь в крови.

Неожиданно ему вспомнились слова, которые Ли Южун сказал ему когда-то в старом заброшенном складе, слова, которые тогда вызвали в нем бурю гнева.

— Если я умру, ты будешь плакать?

Дэн Цзэян почувствовал, что дышать становится трудно, и начал хватать воздух ртом. Холодный и резкий, он обжигал горло, не принося облегчения легким. Ему было очень плохо, невыносимо плохо. Сжимая одежду Ли Южуна, он всхлипнул, и крупные слезы капля за каплей падали на его лицо.

Почувствовав неладное, Ли Южун тут же открыл глаза.

Дэн Цзэян, уже не в силах остановиться, вдохнул полной грудью и затем разразился рыданиями.

Это был крик, долгое время сдерживаемый и наконец вырвавшийся наружу.

— Ван, Ван Яохуа...

Остальные, наблюдавшие за сценой в комнате, были ошеломлены состоянием Дэн Цзэяна.

Понимая, что ситуация выходит из-под контроля, Ли Южун сел и, обняв Дэн Цзэяна, сказал:

— Дэн Цзэян, возьми себя в руки.

Тот покачал головой, судорожно всхлипывая так сильно, что у него заболел живот. Он согнулся, уткнувшись в колени Ли Южуна, и его плач становился все громче.

Ли Южун лишь крепче обнял его, глядя по спине и успокаивая на ухо:

— Не плачь, не плачь, все уже позади, все в порядке.

Испуганный ассистент Дэн Цзэяна, подбежав с салфетками, спросил:

— Цзэян, это он, значит, вжился в роль?

— Видимо, он с самого начала думал об этом, — сказал Ли Южун, приподнимая его и глядя по голове. — Все в порядке, Дэн Цзэян, ты слышишь? Все уже позади. Ты не Цинь Фэн, и я не Ван Яохуа. Вспомни, мы просто репетируем сцену, только репетируем.

Плач Дэн Цзэяна был настолько полон скорби, что даже у Ли Южуна на глазах выступили слезы.

— Цинь Фэн и Ван Яохуа? — Видимо, как раз ища актеров, в комнату вошел сценарист и, увидев происходящее, замер. — Что случилось?

Он был удивлен. Неужели они снова поссорились? Но Дэн Цзэян вряд ли стал бы так бурно реагировать.

Визажист, нервничая, толкнул стилиста плечом. Не желая ввязываться, тот сделал вид, что ничего не происходит, и в итоге ответил визажист:

— Они репетировали завтрашнюю сцену, слишком увлеклись.

Услышав это, сценарист тут же изменился в лице и набросился на визажиста:

— Кто вам разрешил репетировать эту сцену в нерабочее время? И еще гримировать? Вам мало проблем, да?

Визажист открыл рот, пытаясь объяснить:

— Это они сами предложили...

— Они не знают правил, а ты забыл? — Отругав его, сценарист тут же подбежал к актерам и, присев рядом с рыдающим Дэн Цзэяном, начал успокаивать. — Дэн Цзэян, успокойся, не плачь.

Режиссеры уже давно заметили, что состояние Дэн Цзэяна оставляет желать лучшего. Хотя обычно он продолжал шутить с Ли Имином, вспышки гнева становились все чаще, а на съемочной площадке он был слишком эмоционален, что явно указывало на то, что он слишком глубоко вжился в роль.

После долгих уговоров Дэн Цзэян наконец перестал плакать.

Он позволил Ли Южуну обнять себя, уставившись в пол.

Сценарист, видя, что он приходит в себя, сказал Ли Южуну:

— Оставь его одного на время. Иди сначала переоденься и сними грим, скоро начнем съемки.

Ли Южун, потирая глаза тыльной стороной ладони, кивнул.

Убедившись, что он в сознании, сценарист нахмурился и строго сказал:

— В будущем, в каком бы проекте ты ни работал и с кем бы ни снимался, не репетируй такие эмоциональные сцены в нерабочее время, понял?

Ли Южун поспешно кивнул.

Сценарист, погладив Дэн Цзэяна по щеке, вздохнул.

Этот глупый парень чуть не зарыдал до потери сознания.

После того как эмоции переполнили его и он успокоился, Дэн Цзэян, первым делом, отправился в уборную умыться.

Холодная вода, ударившая в лицо, немного облегчила его пылающее сердце.

Выйдя из уборной, он столкнулся с женщиной-режиссером, которая снова снимала на камеру.

Он уже совсем сдался перед этой настойчивой и преданной своему делу девушкой:

— Ты что, маньячка съемок?

— Моя мечта — снять собственный фильм, — с улыбкой ответила бесхитростная режиссер. Она указала на глаза Дэн Цзэяна. — Кажется, они немного опухли.

Так быстро? Дэн Цзэян нахмурился, отступил назад и внимательно посмотрел в зеркало, действительно заметив небольшую припухлость.

— Ладно, пусть будет так, — пробормотал он, раздраженно взглянув на свои покрасневшие глаза и вспомнив свой недавний плач.

— Цзэян, ты нас напугал, — сказала режиссер, уже набравшись смелости, чтобы высказать свое мнение. — Ты должен извиниться перед нами.

Дэн Цзэян, не раздумывая, согласился:

— Хорошо, скажи, как я должен извиниться.

Женщина улыбнулась и медленно повернула камеру в сторону:

— Сначала спроси Имина, он ведь так старался тебя успокоить.

Ли Южун, пивший молоко, остановился. Он отвернулся, вытер рот и затем повернулся к камере:

— Играйте без меня, на этот раз я не участвую.

Он, поддерживавший плачущего, устал даже больше, чем сам плачущий.

Режиссер, разочарованно, повернула камеру обратно и прямо сказала:

— Тогда пусть Цзэян покажет нам что-нибудь милое.

Дэн Цзэян на мгновение замер:

— Что такое «милое»?

— Это значит быть очаровательным.

— А как это сделать?

Видя, что Дэн Цзэян действительно не понимает, и не желая упускать возможность, режиссер срочно повернулась к его ассистентам:

— Кто-нибудь из вас умеет? Научите его, научите.

Ассистенты с радостью согласились подставить своего босса, и один из младших встал, сжал кулаки и приложил их к голове, высунув язык и наклонив голову.

Этот классический пример «милости» привел режиссера в восторг:

— Цзэян, видишь? Вот так, как она только что сделала.

— А можно без языка? — спросил Дэн Цзэян, повторяя движение, но вместо высунутого языка широко улыбнулся.

Его улыбка была ослепительной, полной солнечного света и жизнерадостности, словно воплощение мечты каждой девушки о «школьном красавчике».

— Как мило, как мило!

Режиссер, посмотрев, с восторгом закричала, но Ли Южун, стоявший рядом, не разделял ее восторга и чуть не подавился.

— Кашляю, боже, это отвратительно.

Только что подумавший, что быть милым — это неплохо, Дэн Цзэян, увидев молоко, брызнувшее на его грудь, тут же скривился:

— Это ты отвратительный.

Режиссер, любящая подогревать страсти, подбежала к Ли Южуну с улыбкой:

— Имин, это ты молоко выплюнул? — Она засмеялась. — Давай-ка я тебя спрошу, тебя это очаровало или напугало?

— Кашляю... — Ли Южун, вытирая одежду салфеткой, снова кашлянул и раздраженно закатил глаза. — Конечно, напугало. Разве его поведение могло меня очаровать до такой степени?

Режиссер залилась смехом:

— Тогда, Имин, покажи нам, как быть милым.

Ли Южун вытер рот и с презрением ответил:

— Разве я, когда выплевывал молоко, не был милым?

Дэн Цзэян рядом фыркнул:

— Да брось ты.

Все рассмеялись, и Ли Южун, видя, что Дэн Цзэян действительно расслабился, тоже вздохнул с облегчением.

Через некоторое время раздался голос режиссера:

— Цинь Фэн и Ван Яохуа, готовьтесь!

Со сценариями в руках актеры один за другим направились к съемочной площадке.

После долгих хлопот, к девяти часам вечера, сцена наконец была готова к съемкам.

Днем сбегал погулять, весело было весело, но дописывать ночью — это мучение. Хахаха, это считается за вчерашний день, чмок-чмок-чмок. И кстати, попутно отмечу, что «Красавица и Чудовище» не понравилась, у второго парня очень много сцен, такой подлец, что руки чешутся

его прикончить.

<http://bllate.org/book/16554/1511063>